

К ВОПРОСУ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ У ГОГОЛЯ В СВЕТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ – ДИНАМИКА «ФИГУРЫ ФИКЦИИ»

KATALIN KRÓB (БУДАПЕШТ)

В статье рассматривается определяемая Андреем Белым «фигура фкции» в трех контекстах: 1) в описательном семантическом контексте, в качестве смыслового конструкта, воплощающего константы мотивов, разработанных в разных вариантах (см.: *все* и *ничто/ничего*; *общее чужое* и *свое*; *жизнь/существование* и *смерть/несуществование*); 2) в рамках теоретического осмысления двойничества, путем постановки семиотической проблематизации обозначения, когда семантизация происходит имплицированием смысловых отношений *истинное–ложное*, *референтное–нереферентное*, *реальное–нереальное*, *сходное–несходное*; в этом плане соотношение *быть—не быть* с точки зрения его знакового статуса интерпретируется как проблема, инициируемая в фигуре фкции Гоголя; 3) в литературно-историческом контексте с установкой на вопрос, как связываются научные представления Андрея Белого и В. В. Виноградова о преемстве гоголевской поэтики в творчестве Достоевского; подвергаются сопоставительному чтению и некоторые части гоголевского текста и «Двойника» Достоевского на фоне интерпретации фигуры фкции как формы поэтической семантизации; в этой части изложения особое внимание уделяется разбору речи Голядкина, главного героя «петербургской поэмы».

Ключевые слова: Фигура фкции, Андрей Белый, В. В. Виноградов, двойничество, знаковость, «Двойник» Достоевского.

In the paper the notion of the „figure of fiction” (Andrey Bely) is examined from three different angles: 1) it is interpreted as a semantic construct representing constant abstract motif invariants and variants in Gogol’s text, outlining certain oppositions such as *everything* and *nothing*, the *common* and the *general*, or the *own* and the *alien*; 2) from a theoretical point of view it is approached in the light of how the idea of *the double* is formulated, and is connected with the semiotic problem of the mechanism of signifying processes and the status of signs themselves; the latter one implies the meaning relations

of *true–false, referential–non-referential, real–unreal, similar–unsimilar*; 3) it is put into literary-historical contexts, where Andrey Bely's and V. V. Vinogradov's analyses are treated parallelly both at the level of theoretical conceptualization and that of empirical reading. In this way, the artistic and semantic kinship of Dostoevsky's poetics with the Gogolian text is again presented. Special attention is paid to the semantic evolution of the protagonist Golyadkin's utterance in Dostoevsky's Petersburgian poem, *The Double*.

Keywords: „Figure of fiction”, Andrey Bely, V. V. Vinogradov, the problematics of the double, the status of sign, *The Double* by Dostoevsky.

В настоящей статье в центре внимания стоит тип семантического определения в тексте Гоголя, который в знаменитой книге Андрея Белого «Мастерство Гоголя» называется *фигурой фикции*. Проследим главные элементы этого определения, как их находит Андрей Белый, и как мы толкуем их в более широком литературном контексте, в «Двойнике» Достоевского.

Начнем изложение с определения фигуры фикции, приводимого Андреем Белым, который подчеркивает следующее:

...в показываемом нет ничего, кроме неопределенного ограничения двух категорий: «все» и «ничто»; предмет охарактеризован отстоянием одной стороны от «*все*», другой — от «*ничто*»; отстояние «*от*» — не характеристика, а пародия на нее; предмет — пустое и общее место, на котором нарисована фикция... (с. 80)¹.

Утверждается, что предмет обрастает неопределенными признаками (они передаются частицами «ни» и «не»):

...он — не «то» и не «се»; «то» — некоторое отстояние от «все»; «се» — от «ничто» <...> предмет (личность или вещь) <...> становится подобием «чего-то», лежащего посредине... (Там же).

Середина понимается так, что «искомый предмет есть бесконечность определений», из чего вытекает, что открывается пространство «противоречивых смыслов», поэтому и говорит Белый, что «нас ожидает сюрприз» (Там же). Неопределенность выдается как своеобразное отношение к смыслу *свое*, значит, к индивидуальному признаку. В качестве примера приведем характеристику Белым обладателя брички в «Мертвых душах»: он «при по-

---

¹ Текст Андрея Белого цитируется по следующему изданию: БЕЛЫЙ, А.: Мастерство Гоголя. (= Slavische Propyläen. Texte in Neu- and Nachdrucken 59). 1969. München, Wilhelm Fink Verlag.

мощи „ни” и „не” слит со всем общим; у него нет признаков», а в эту брочку, по мнению Белого, спрятано «круглое общее место», будучи составляющей «эпиталам<ы> безличию» (с. 81). На той семантической оси, где Гоголь, по мнению Белого, помещает мотивы *все* и *ничто*, в середине обнаруживается беспризнаковая, лишенная индивидуальности, своих собственных свойств действительность. Поэтому в толковании фигуры фикции в качестве семантической подсистемы имплицитно сопоставляется *свой признак* ↔ *чужой признак*.

Так как лишение исключительных своеобразных атрибутов индивидуальности у Гоголя основывается на смежности (метонимической связи) «со всем общим» (Там же) и с мотивом *ничто*, средняя семантическая позиция мотива *что-то* наделяется значением *промежуточности* между *существованием/бытованием (все)* и *несуществованием/состоянием лишения бытования (ничто)*. Как раз *что-то* проблематизирует реляцию *жизни и смерти, бытия и небытия*.

Подытожим элементы семантической системности, определяемой Белым, и свойства подсистем, которые были выделены в нашем толковании. Смысловые формации, дающие семантическое определение изображаемого мира, содержат в себе следующие главные оксюморонные формации как константы: *все* и *ничто/ничего*; *общее чужое* и *свое*; *жизнь (существование/бытование)* и *смерть (несуществование)*.

Обратимся к «Двойнику» как произведению, в котором, по утверждению В. В. Виноградова, Достоевский «применил <...> прием сюжетного построения, состоящий в стилистическом транспонировании известных литературных конструкций»². Разбор текста «Двойника» направлен на словесную ткань, в которой, по словам исследователя, возникает «художественная действительность»³ сюжета. Из богатого материала показа свойств комического повествовательного сказа «постороннего наблюдателя»⁴ выделим элементы, которые, на наш взгляд, имеют теснейшую связь с фигурой фикции, хотя Виноградов и не указывает на эту связь. Один из них воплощается в словесных «моторных образах» при изображении «бесцельно торпливых в лихорадочной смене <...> движений и ощущений»⁵. Они, от-

² ВИНОГРАДОВ, В. В.: К морфологии натурального стиля (Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник»), ВИНОГРАДОВ, В. В.: Избранные труды. Поэтика русской литературы. Москва: Наука, 1976. с. 101-140; с. 104.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 106.

⁵ Ср. там же, с. 112, 113.

ражая душевное состояние Голядкина, передаются порядком их смены неожиданными нарушениями. Благодаря этому возникает та же неожиданность определений, которая кроется в противоречиях определений у Гоголя в фигуре фикации. Как там семантически амбивалентная конкретизация происходит в триедином логическом отождествлении (не то, не се, а что-то), таким же образом появляется изображение триединого движения героя. Когда Голядкин не выбирает ни одно, ни другое действие из полярных противоположных (ни то, ни се), а потом останавливается все же на одном из них, тогда в тексте проявляется гоголевская смыслопорождающая логика смежности — отрицательной и положительной метонимичности — крайних полюсов и середины семантической оси. Отдельно говорит Виноградов о «неопределенности обозначений как характерно<м> прием<е> описания движений и чувств»⁶ Следует вспомнить и «фигуры умолчания, символизирующие невыразимость описываемых событий»⁷, как и оксюмороны, соединяющие в себе противоположные значения. Все эти характеристики словесной ткани возможно причислить к фигуре фикации в качестве атрибута самого Голядкина. Но, как известно, Голядкиных в «Двойнике» двое: Голядкин младший и Голядкин старший.

Прежде чем интерпретировать сюжет двойничества в контексте фигуры фикации, перечислим те ее признаки в тексте «Двойника», которые А. Белый изучает в качестве компонентов «общности» Достоевского «в слоговых ходах» с Гоголем⁸. Это — гоголевское употребление Достоевским слова «все»; то, что в тексте «частит по Гоголю слово „странный“» и что «наблюдается обилие словечек „что-то“, „как-то“, „несколько“, „в некотором роде“, *подобных фигуре фикаций у Гоголя*»; Белый также выделяет мотив «то же чувство неведомого»⁹.

Вернемся к нашим семантическим константам в изучаемой гоголевской смысловой конструкции — *все и ничего; общее чужое и свое; жизнь (существование) и смерть (несуществование)* — в рамках проблематики двойничества.

Ренате Лахман в своем анализе «Отчаяния» Набокова раскрывает важное поэтическое решение набоковского романа в области представления двойника: «Набоков персонифицирует семантику симулякра переворачива-

---

⁶ Там же, с. 114.

⁷ Там же, с. 119.

⁸ БЕЛЫЙ, А.: 1969, с. 286.

⁹ Там же. Ср. с. 286-287. Наш курсив — К. К.

нием мотива двойничества...».¹⁰ Появление образа двойника как определенного знака, через который семиотическая проблема обозначения перевоплощается в элемент сюжетной реальности, наблюдается и в «Двойнике» Достоевского. Симулякр Ренатой Лахман толкуется как обратный знак, знак ложный и обманчивый, который заключается в образе как знаковом комплексе при представлении фантазма. «Симулякр одинаково обладает чертами как истинного, так и ложного образа, одновременно указывая на нечто, и отрицая это указание». Фантазм, как и мистификационный знак, представляют собой «рассеченный или двойной знак типа: *истинный/ложный; референтный/нереферентный*». Семантическая структура фантазма основывается на бинарной оппозиции *нереальное–реальное, несходное–сходное*. По семантическому атрибуту ложного, нереального (несходного), нереферентного следует вспомнить определение фигуры фантасма А. Белым, на которое Р. Лахман ссылается, связывая его с понятием «отрицательной действительности». Белый отдельно говорит о фигуре фантасма отрицательной действительности, покрывающей «фигуру неопределенности под формой позитивного знания того, что есть предмет неузнания»¹¹.

Подытожим главные компоненты наших представленных до сих пор подходов к изучению «Двойника» Достоевского в рамках проблематики фигуры фантасма.

а) В описательном контексте фигуры фантасма в качестве смысловых константов были выделены оксюморонные семантические формации: *все и ничто (ничего); общее чужое и свое; жизнь (существование) и смерть (несуществование)*.

б) Второй крупный контекст был теоретическим. Там указывалось на двойничество в качестве сюжетной реализации проблемы семиозиса. В образе двойника и его сюжете воплощается как вопрос обозначения, так и вопрос его декодировки. Через образ двойника осмысливается проблема употребления знаков и их способности создать аутентичное отношение между обозначающим и обозначаемым. Семантизация происходит имплицированием смысловых отношений *истинное–ложное, референтное–нереферентное, реальное–нереальное, сходное–несходное*, – а все они испытывают воз-

---

¹⁰ ЛАХМАН, Р.: Семиотика мистификации. «Отчаяние» Набокова. Русские цитаты взяты по следующему источнику: <http://www.diss.sense.uni-konstanz.de/netzlesen/lachmann.htm>. Ср.: ЛАХМАН, Р.: Der Doppelgänger als Simulakrum: Gogol', Dostoevskij, Nabokov. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt am Main. Suhrkamp Verlag 1990. с. 463-489.

¹¹ БЕЛЫЙ, А.: 1969, с. 256.

возможности знаковой концептуализации действительности, где в центре внимания стоит проблема *истинного или ложного существования или несуществования* обозначаемого предмета в рамках данной знаковости. Проблема *быть или не быть* в знаковом статусе (ср. «все» или «ничто», «реальное» или «нереальное»), как и проблема *как быть* (ср. «сходное» или «несходное», «истинное» или «ложное», «референтное» или «нереферентное») — вот те вопросы, которые с семиотической точки зрения иницируются в фигуре фикации Гоголя.

в) Третий контекст для нас был литературно-историческим. В рамках ссылок на исследования Белого и Виноградова указывалось на поэтическую преемственность словесной ткани гоголевских текстов и «Двойника» Достоевского именно в контексте фигуры фикации.

В дальнейшем проиллюстрируем действие фигуры фикации в «Двойнике», кратко указывая на ход трансформаций в словесной ткани речи повествователя, который сообщает о процессе изменения Голядкина. Все эти модификации воплощают разные этапы семантизации двойника, а именно в рамках мотивов фигуры фикации.

Зафиксируем лишь два момента в трансформационном ряду речи Голядкина:

1) Первый принадлежит к дилемме Голядкина, принять ли им свое новое поведение, соответствующее амбиции:

«Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? Признаться иль нет? <...> или прикинуться, что *не я, а что кто-то другой, разительно схожий со мною*, и смотреть как ни в чем не бывало? Именно *не я, не я*, да и только! <...> Я, я *ничего* <...> я *совсем ничего*, это *вовсе не я* <...>, это *вовсе не я, не я*, да и только»¹².

Лейтмотивы дилеммы, по сути дела, двойничества, составлены словесными формулами: «не я» и «я ничего», «я совсем ничего». Они получают более подробное тематическое объяснение в выражении «как ни в чем не бывало», с которого и начинается явная тематизация противопоставления *быть и не быть*. К смыслу *не быть* примыкает однозначное определение двойника, которое сводится к утверждению несуществования субъекта «я» — это «я» на самом деле *не «я»* (он и «совсем ничего»), а лишь «другой», разительно схожий с субъектом «я». Итак, новое «я» является только двойником старого «я» (вот это значение и получит позднее сюжетную реали-

---

¹² Текст «Двойника» цитируется по изданию: ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М.: Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. 1. Ленинград 1972. с. 109-229; с. 113. Курсив наш — К. К.

зацию в произведении). Семантический образ двойника здесь складывается в таком смысле, что новое «я» нереферентно к старому, в нем существует только схожесть референтности. Новое «я» здесь толкуется как знак, и он действительно такой природы, как это концептуализирует Р. Лахман. Этот знак является симулякром, говорящим одновременно о существующей и о несуществующей действительности, все это применительно к субъекту «я». В таком смысле это двойной знак и знак двойственности. А речь идет как о бытии или небытии субъекта говорящего и изображаемого, так и о его форме бытия, в том числе и о *знаковой* его форме. Рассматривается то, способно ли обозначать новое «я» как знак старое «я». Это, несомненно, фигура фикции с двумя полюсами «я» и «не я». К тому же «не я» дополняется как «*вовсе не я*», т.е. получает гиперболическое распространение, типичное для Гоголя (чему соответствует затем дополнение также выражения «ничего» в форме «*совсем ничего*»). Смысл «я» гиперболизируется на обоих полюсах, вследствие чего вопрос существования или несуществования «я» (и вопрос их знаковой формы) интенсифицируется до крайности. К оформлению этой дилеммы относительно бытия «я» и сводится перевоплощение гоголевской фигуры фикции в «Двойнике». В его ходе в центр ставится вопрос личности с атрибутом *свое*. Мотив *свое* возводится в фокус проблематизации во втором моменте трансформационного развития ряда речи Голядкина.

2) На этом втором этапе выражение «он совсем ничего» сопоставляется рядом со словесной формулой «он сам по себе», т.е. с мотивом независимости, который хранит в себе смысл *свое*. Многократно повторяющийся смысл *быть независимым на своем/у себя* («его изба во всяком случае с краю», «он у себя», «он живет дома, у себя на квартире») значительно осложняется тем, что он вступает в соседство со смыслом «он совсем ничего». Полное выражение становится сильно оксюморонным: «...этот взгляд вполне выражал независимость господина Голядкина, <...> говорил <...>, что <...> Голядкин *совсем ничего*, что он *сам по себе*, как и все, и что его изба во всяком случае с краю»¹³ (см. попозже: «он, как и все, у себя»¹⁴). Такое соположение мотивов независимости (*свое*) и принадлежности ко *всем*, т.е. мотивов индивидуальности и общности, выдает новое, трансформированное определение двойника. Появляется толкование *независимости*

---

¹³ Там же, с. 10.

¹⁴ Там же.

в смысле *независимости всех*. Индивидуальное приключение амбиции Голядкина оказывается схожим с амбицией *всех* других. Тем самым утверждается, что *свое* является лишь двойником *чужого*, как и *совсем ничего* роднило со смыслом *сам по себе*. А *сам по себе* здесь уже однозначно понимается через его дополнение: «сам по себе, *как и все*». По-видимому независимый ото всех Голядкин оказывается не чем иным, как человеком, зависимым от мира до такой степени, что он определяется в качестве двойника мира.

На двух этапах изменения в речи Голядкина вырисовывается отождествление *своего* и *чужого* так, что эти мотивы сохраняются как два полюса оси фигуры фикции и проецируются на отношении смыслов «я» и «не я». Таким путем текст подчеркивает *узнаваемое* в смысле субъекта «я» и выявляет персональный сюжет поисков определения и создания личности индивидом, и также сюжет поисков ее обозначения (в области знаковости). Все это описывается Достоевским как форма и медиум создания бытия/существования. Речь идет уже не просто о статичном состоянии *быть* или *не быть*, а постоянно прослеживаются возможности *приобретения* или *потери существования*. Фигура фикции у Достоевского не только собирает и совкупляет разные определения, открывая пространство «противоречивых смыслов». «Совсем не я» («совсем ничего») и полностью «я» (имплицитно: *все я*) так приводятся в метонимическую связь, что в процессе трансформации природы их семантического соположения наблюдаются два хода.

С одной стороны, мысль об определмости искомого узнаваемого в рамках обозначаемых *быть* и *не быть* становится все сильнее и сильнее; с другой стороны, эти обозначаемые сами динамизируются. И в том смысле, что постоянно указываются процессы перехода одного состояния в другое (ср. типичное выражение этого: «как бы ни в чем не бывало», это значит: было что-то, что можно переделать, превратить в *ничто*, *ничего*); но также и в том смысле, что соположение *быть* и *не быть* выдает различные аспекты двойничества *своего* и *чужого*. Здесь в центре всех определений стоит соотношение «я»—«не я», т.е. в качестве искомого узнаваемого выделяется сама личность, которая должна себя сотворить в плане знаковости. А само развитие знаковости представляет собой динамический процесс. Это в одно и то же время значит и то, что исчезают статичные семантические полюсы гоголевской фигуры фикции, ведь они (*быть* и *не быть*, *все* и *ничто/ничего*) находятся постоянно в движении в рамках знакового самоопределения субъекта речи и самого текста. Вследствие всего этого в «Двойнике» на передний план выдвигается вопрос «*Быть* или *не быть?*» в аспекте «*Как*

быть личностью?» (событийный сюжет), и *«Как обозначать становление личности?»* (метатекстовый сюжет).

Сочетание двух смысловых плоскостей опять напоминает развитие фигуры фикции у Гоголя в «Носе». В метатекстовой части «Носа» о *событиях*, которые характеризуются словесным выражением «как ни в чем *не бывало*», в смысле принятия несообразностей утверждается, что они «бывают на свете, — редко, но бывают»¹⁵. Соответственно этому, в «Двойнике» с Голядкиным «сбывается небывалое»¹⁶. Гоголевская *несообразность в самом существовании*, которая в своем знаковом статусе семантизируется как «пасквиль»¹⁷, повторяется у Голядкина в смысле *быть небывалому*, что и значит «быть в таком пасквильном виде»¹⁸. Это, с одной стороны «комедия пасквильная» (ср. «пасквиль, чистейший пасквиль», «пасквильность»¹⁹) в плане сюжета, а, с другой, — в плане текстового мышления, которое развивается по ходу совмещения несообразностей. Однако, в «Двойнике» Достоевского эти несообразности составляют прочное семантическое образование — «сообразование». Они совмещаются и каждый этап их совмещения движет семантизацию вперед и придает определению двойника новый оттенок. Статичные формулы постоянно динамизируются, и с семиотической точки зрения как раз в этом процессе улавливается смысл бытия знака и существование знаковости. Когда статичные словесные формулы динамизируются во все новых и новых образованиях, тогда текст «петербургской поэмы» Достоевского на разных этапах своего развертывания раскрывает то, как *бывает с ним небывалое*.

А тогда это уже не два статичных полюса семантической оси фигуры фикции, а как раз динамическое существование знака и знаковости, двойником которых является сам текст художественного произведения Достоевского.

---

¹⁵ ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений в семи томах. Москва: Художественная литература, 1984. т. 3. с. 38-62; с. 61, 62.

¹⁶ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.: 1972, с. 147.

¹⁷ ГОГОЛЬ, Н. В.: 1984, с. 50 («пасквиль»), ср. с. 53 («пасквильный вид»), 56 («пасквильность»).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 151, 159, 185.

